

ОЛЬВИЯ ПОНТИЙСКАЯ И ВАРВАРЫ В I - IV ВЕКАХ Н.Э.

В середине I в. до н.э. ослабленная длительным кризисом Ольвия была разгромлена войсками гето-даков во главе с Бурбистой. Оставшиеся в живых жители покидают город и жизнь здесь прекращается на несколько десятилетий, никогда уже не достигая уровня прежнего расцвета.

Ольвиополиты, вероятно, были вынуждены укрыться в других античных центрах или в среде дружественных варваров, как это сделали в аналогичной ситуации жители Истрии (Латышев, 1909, с.243; Блаватская, 1952, с.154-155). Такой средой для ольвиополитов, скорее всего, стало эллинизированное население нижнеднепровских городищ (Вязьмитина, 1972, с.183, Waşowicz, 1975, p.109-117; Крапивина, 1993, с.141). Вероятно, именно приток населения из Ольвии привёл к усилению их эллинизации на рубеже эр (Гаврилюк, Абикулова, 1991, I, с.15, II, с.30; Гаврилюк, Крапивина, 2005, с.66 -73).

Жизнь в Ольвии возрождается не ранее конца I в. до н.э. (рис.1, 1). Жители возвращаются на старые места, чему способствовало как изменение политической обстановки в регионе, так и осознание ольвиополитами своего единства. Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в 99 - 100 гг. н.э., подчёркивает патриотизм её жителей и их безусловное уважение ко всему греческому (Or., XXXVI). Политическое образование Бурбисты распалось вскоре после его смерти в 44 г. до н.э., а с 29 г. до н.э. римляне предпринимают попытки усмирения гетов и они перестают быть опасными для своих восточных соседей. В то же время нижнеднепровские городища оказываются под ударом продвигающихся на запад сарматских племён. Отток населения происходит в южном направлении, возрождается Ольвия и поселения вокруг неё. Заново формируется гражданская община города и его округа, права гражданства в ней получают все, кто принимал участие в восстановлении, в том числе и эллинизированная часть варварского населения, которое, по-видимому, и дало большое количество ираноязычных имён среди должностных лиц в надписях города (Крапивина, 1993, с.143).

Вероятно, именно этот процесс нашёл отражение в сообщении Диона Хрисостома о том, что в восстановленные города, и в Ольвию тоже, нахлынула масса варваров. По его мнению, это отразилось на некоторых деталях быта ольвиополитов. Так, описывая их военный костюм, Дион находит в нём сходство со скифской одеждой. Кроме того, он отмечает и недостаточно чистый греческий язык жителей Ольвии (Or., XXXVI). Однако в ольвийской эпиграфике практически нет отклонений от норм

греческого языка (Латышев, 1887, с.177). Заимствование же “варварского” костюма было вызвано его лучшей приспособленностью к местным климатическим особенностям (Подосинов, 1984, с.153). В то же время и сам Дион Хрисостом отмечает, что ольвиополиты - эллины по характеру, в их облике много ионийского, все они на древний манер длинноволосы и бородаты, почитают греческих богов Ахилла и Зевса, любят и знают наизусть Гомера, а некоторые - и Платона (Ор., XXXVI). При этом он не говорит об этнической пестроте населения города. Конечно, определённая часть того, что описывает Дион, соответствует действительности, но что-то он видел так, как хотел видеть (Bäbler, 2007, p.160).

В то же время, ономастика Ольвии этого времени даёт значительное количество негреческих имён. Наиболее влиятельные граждане города носили не только греческие, но также иранские, фракийские и смешанные имена. Из 261 имени ольвиополитов 89 - греческие, 5 - римские, 60 - иранские, 3 - фракийские, 64 греко-иранские, 17 - греко-римско-иранские, 3 - римско-иранские, 20 - неизвестного происхождения (Книпович, 1956, с.134-135; Трещева, 1977, с.156-182). Обзор имён ольвийских магистратов в посвящениях Ахиллу показывает, что греческие имена составляют 54%, с римскими и семитскими 57% (Нуре, 2006, s.206-208).

Иранские имена в Ольвии связывают как со скифами, так и с сарматами. Первые исследователи истории города считали варварский элемент достаточно важным и соотносили его со скифами. В.Ф.Миллер, в частности, видел в них скифов-пахарей Геродота, но подчёркивал, что они сохранили от предков только иранские имена (Миллер, 1886, с.232-382). В.В.Латышев писал, что варвары составляли часть гражданской общины Ольвии и растворились в ней, придав ей некоторое своеобразие. По его мнению, смесь эллинских и варварских элементов началась от нескольких скифских, но эллинизированных, семей (Латышев, 1887, с.115-120, 172-182, 186-189). Позднее мнения исследователей разделились. Некоторые из них считали, что скифская прослойка увеличилась, наиболее богатые скифы получили политические права и приняли участие в управлении государством (Славин, 1971, с.284). Другие писали о скифском и сарматском влиянии, без разделения их, и подчеркивали сарматизацию Ольвии (Гайдукевич, 1955, с.57-63; Wařowicz, 1975, p.116-117). Часть исследователей связывала иранские имена Ольвии с сарматами (Книпович, 1956, с.134-135; Карышковский, 1982, с.74). А.С.Русяева писала, что во второй половине I - начале II в. н.э. часть сарматского племени сираков вместе с боспорскими приверженцами Митридата VI поселилась в Ольвии и образовала общину вместе с её жителями (Русяева, 1982, с.192-193). Позднее она пишет о могущественном государстве, созданном сарматским правителем Фарзоом вместе со скифами с центром в Неаполе Скифском,

а Ольвия была под их протекторатом. Множество сарматских имён объясняется смешанными браками (Русяева, 1995, с.24-37). В.М.Зубарь пытался объяснить ситуацию предположением образования нового этнического сообщества “борисфенитов”, как результат ассимиляции варваров нижнеднепровского региона греками из Ольвии. Он также предполагал присутствие некоторого количества сармат среди жителей, но не граждан Ольвии (Зубар, 1996, с.130-132). Последнее вряд ли объясняет большое количество иранских имён среди наиболее влиятельных граждан города.

Автор высказала предположение, что появление иранских и смешанных имён среди ольвиополитов могло быть связано, прежде всего, с длительным процессом ассимиляции и эллинизации скифов, а не с включением в состав общины вновь прибывших в эти земли сармат. Община Ольвии после гетского нашествия была создана заново из ольвиополитов и эллинизированных жителей нижнеднепровских городищ (скифского в своей основе), принявших участие в восстановлении города (Крапивіна, 1994, с.124-125). Фактически это была попытка корреляции данных археологии и ономастики, при этом предпочтение отдавалось данным археологии.

В последнее время С.Р.Тохтасьев, разрешивший использовать его подготовленную к публикации статью “К демографической истории Ольвии римского времени”, провёл анализ иранских имён Ольвии и пришёл к выводу о том, что ольвиополиты - выходцы из северочерноморской иранской среды, вошедшие в элиту общества, были преимущественно сарматского происхождения (Тохтасьев, 5.3.2). Приоритетным в своих исследованиях он сделал данные лингвистики. Таким образом, исследователь напрямую связывает имя с этносом его носителей. Использование иноязычного личного имени, безусловно, свидетельствует о языковом влиянии, но отнюдь не о смешении различных этнических элементов в рамках общины, следует различать языковую принадлежность имени и этнос его носителя (Білецький, 1957, с.21-25). Личные имена могут заимствоваться одним народом у другого, поэтому этот источник не может быть основным в решении сложных этнических проблем (Миллер, 1886, с.236). При этом сам С.Р.Тохтасьев отмечает, что в связи с тем, что для конца II - начала I в. до н.э. языковые свидетельства, которые были бы определены в источниках как скифские *expressis verbis* отсутствуют, отделить скифское от сарматского часто невозможно (Тохтасьев, 6.1.2). Далее автор пишет, что ко второй половине I в. н.э., когда в надписях Ольвии вновь появляются иранские антропонимы, предполагаемые предсарматские иранские говоры Поднепровья и Побужья в течение не менее полутора столетий должны были сосуществовать в условиях интерференции с сарматскими. Ко

II - III вв. н.э. сохранившиеся в Причерноморье со времён Скифского царства группы ираноязычного населения, скорее всего, понемногу ассимилировались в сарматской среде, во всяком случае, в языковом отношении. Во множестве случаев могут быть выделены бесспорно сарматские имена (Тохтасьев, 8-9), но происхождение какой-то части их носителей лингвистически определить невозможно (Тохтасьев, 6.1.3). При этом часть ольвийских имён сарматского происхождения отражают более архаическое состояние языка, чем боспорские (Тохтасьев, 6.1.1).

Кроме того, ранее С.Р.Тохтасьев опубликовал остракон IV в. до н.э. с поселения Козырка ольвийской хоры, где упоминается имя Коконакос (Kokonakos). Автор определяет его как скифское (Тохтасьев, 2002, с.84). При этом имя Кукунаг (Koukounagos) из надписи коллегии агораномов первой половины II в. н.э. (IOSPE, 12, 129) определяется как сарматское (Тохтасьев, 2002, с.84-85), хотя местное северочерноморское происхождение обоих имён не вызывает у автора сомнений (Тохтасьев, 2002, с.92).

Значительное внимание С.Р.Тохтасьев уделяет населению нижднепровских городищ. По его мнению, оно могло быть самого разного происхождения. В частности, ими могли стать миксэллины (Тохтасьев, 5.2), а также тисаматы и савдараты декрета в честь Протогена (IOSPE, 12, 32) (Тохтасьев, 5.1). Однако археологически все эти заключения не подтверждены, а выводы автора в отношении населения Ольвии не согласуются с археологическими и антропологическими данными, появление большого количества сарматских имён среди элиты Ольвии в первые века нашей эры всё ещё не имеет убедительной интерпретации (Krapivina, 2011, p.59-69).

Сами жители Ольвии как с греческими, так и с иранскими или смешанными именами ощущали себя эллинами, относясь безразлично к пёстрой смеси имён. Они говорили по-гречески, отправляли в полисе должности архонтов, стратегов, агораномов и жрецов, поклонялись греческим богам (Латышев, 1887, с.173-174; Крапивина, 1994, с.123-129; Krapivina, 2007, p.161-162).

Одновременное вхождение большого количества сармат, которые значительно отличались по своему быту от населения античной Ольвии, в её гражданскую общину не могло не отразиться на материальной и духовной культуре населения города. Однако данные археологии, подтверждающие это, отсутствуют. Материальная культура сохраняет античный характер и не отражает влияния сармат (Крапивина, 1993, с.141-144). Духовная культура ольвиополитов также остаётся преимущественно античной, влияние скифских, сарматских и фракийских элементов незначительно (Русяева, 1982, с.5-6; 1986, с.19-21).

Кроме того, в первые века здесь сохраняются те же типы погребальных сооружений, что и в предшествующие эпохи. Ни в конструкциях могил, ни в обряде погребения существенных изменений не наблюдается (Герцигер, 1985, с.16-17). Западное плато Заячьей балки использовалось в качестве некрополя Ольвии со второй половины II в. до н.э. до середины III в. н.э. Для этого времени это был основной участок массовых захоронений. Большинство погребений относится к I - первой половине II в. н.э. Погребальные комплексы свидетельствуют, с одной стороны, об этнической однородности населения, и, с другой, об углублении процесса социально-имущественной дифференциации. Погребальный обряд этого периода, безусловно, является результатом развития обряда предыдущей эпохи, наиболее красноречивым свидетельством чему было продолжение использования склепов эллинистического времени в первые века н.э. При этом прослеживаются только некоторые изменения отдельных черт обряда, как, например, нарушение принципа восточной ориентации погребённых, разнообразие способов захоронений при кремации (Козуб, 1985, с.38-39), что также не может связываться с сарматами.

Исследования антропологического типа жителей Ольвии в первые века н.э. показывают, что они относятся к так называемому понтийскому варианту средиземноморского типа (Покас, 1981, с.87). Сравнение с варварскими сериями черепов демонстрирует определённое сходство со скифскими IV в. до н.э. и значительные различия с сарматскими. В то же время серии черепов из Ольвии и нижнеднепровских городищ имеют морфологическое сходство (Назарова, 1994, с.85-92).

При этом следует отметить находки в Ольвии предметов с сарматскими знаками-тамгами. Они относятся к трём категориям (Крапивина, 2011, с.199-203). Первая категория - это собственно сарматские предметы, неоднократно упоминавшиеся в публикациях: четыре зеркала, флакон, браслет и кинжал с кольцевым навершием (Соломоник, 1959, с.17,30-31,36,42,120-123,126-127,130-131,143-146; Симоненко, Лобай, 1991, с.86). Вторая категория - так называемые энциклопедии (скопления) сарматских знаков. Это выявленные в кургане римского времени мраморные скульптуры львов архаического времени, покрытые сарматскими знаками и небольшими углублениями. Вероятно, они использовались в религиозно-культурных целях, знаки на них наносились на протяжении длительного промежутка времени - от II - I вв. до н.э. до середины IV в. н.э. (Соломоник, 1959, с.29,87-97; Яценко, 2001, с.61,66-67). Третья категория - это имитации сарматских знаков ольвиополитами, они также немногочисленны. В 2009 г. при раскопках в юго-восточной части Ольвии, в хозяйственной яме вместе с прочими материалами были найдены шесть астрагалов, два из которых имели граффити. Один - в виде косых насечек

(рис.2, 2), а второй - в виде сарматского знака (рис.2, 1). Это знак Фарзоя, который известен также на скульптуре льва 1 из Ольвии и на арфе из погребения у с.Козырки (Яценко, 2001, с.48-49, рис.10; 25). В этой же яме найдена бронзовая монета Ольвии - ассарий 50/51 г. н.э. (Анохин, 1989, №346). Материал из ямы в целом датируется второй половиной I - первой половиной II в. н.э. В другой хозяйственной яме, раскрытой поблизости, и датирующейся этим же временем, среди многочисленных материалов особого внимания заслуживает фрагмент стенки краснолакового кувшина с граффити (рис.1, 2; 2, 3). По центру изображена голова мужчины (профиль влево) с короткой стрижкой и узкой бородкой. Слева и справа от этого изображения нанесены сарматские знаки. Левый из них более распространённый, известен на скульптуре льва 2 из Ольвии (Драчук, 1975, табл.5, 327; Яценко, 2001, рис.10). Знаки этого типа имеют несколько вариантов и связываются с кланами Сарматии середины I - середины II в. н.э. с Верхнего Дона, а также находят аналогии среди знаков Ирана (Яценко, 2001, с.67,85-86,90-91). Знак, нанесённый справа от рисунка, более редкий, но он есть на скульптуре льва 1 из Ольвии (Драчук, 1975, табл. 44, 74). Этот знак датируется в пределах середины II -середины III в. н.э. и характерен для сармат Южного Приуралья (Яценко, 2001, с.141-142, рис.6). Ещё один знак справа менее выразителен, но и ему находят близкие аналогии на вышеупомянутых скульптурах львов (Драчук, 1975, с.29-32, табл.46, 47, 48; табл.51, 29-32). Однако ближе всего ему знак с известняковой плиты из Танаиса (Драчук, 1975, табл.3, 118).

Итак, все знаки на фрагменте краснолакового кувшина из Ольвии разные, не связаны между собой и в целом характерны для разных регионов Сарматии в разное время. Одновременное нанесение этих знаков на черепок могло произойти не ранее середины II в. н.э. Вероятно, рисунок следует считать изображением сармата, этническую принадлежность которого пытался подчеркнуть нанесением сарматских знаков избравший его ольвиополит.

Одновременное нанесение знаков различных кланов Сарматии было возможно только в качестве рисунка, а не знака собственности. Для сармат тамга - это, прежде всего, знак собственности определённого клана и знак причастности человека или группы родственников к определённой акции. Тамги клана обычно предназначались не для своих, а для внешнего предьявления (Яценко, 2001, с.22-23). Копирование знаков других кланов исключалось. Известны заимствования тамг соседними народами: поздними скифами в Крыму, меотами низовьев Дона и бассейна Кубани, гето-даками, в меньшей степени - северопонтийскими греками и германцами Западной Европы (Яценко, 2001, с.22), а также населением нижнеднепровских городищ.

К имитациям сарматских знаков ольвиополитами относится также и опубликованная ранее свинцовая пластина с нанесёнными на ней знаками (Крапивина, 2004, с.205-208). Специального изучения заслуживает найденная в Ольвии известняковая архитектурная деталь с вырезанными на ней знаками (Денисова, 1988, с.237; Крыжицкий и др., 1999, с.450). Судя по опубликованной фотографии, многочисленные знаки нанесены в строчку рукой одного резчика. Более простые из них являются тамгами, более сложные - подражанием им. Во всяком случае, найти подобные тамги в монографии С.А.Яценко (2001) не удалось. Таким образом, имитации сарматских знаков ольвиополитами могли быть как точными их копиями, так и отражать фантазии местного мастера.

Итак, предметы с сарматскими знаками, выявленные в Ольвии в течение многолетних раскопок, немногочисленны. Их наличие может свидетельствовать только о контактах между ольвиополитами и сарматами, а не о значительном воздействии последних на культуру Ольвии, что было бы неизбежным при одновременном вхождении значительного количества сармат в элиту общества (Крапивина, 2011, с.203).

Следствием контактов ольвиополитов с сарматами, вероятно, является погребение конца I - начала II в. н.э. двух знатных сармат, выявленное в 1918 г. в 10 км к северу от Ольвии, в районе с.Козырка (Bachmann, 1994, s.112-113; Симоненко, 1999, с.106-118). Оно соединяет черты античного и сарматского погребального обряда, а также содержит ряд предметов с сарматскими тамгами, в том числе деревянную арфу. Однако это скорее свидетельствует о влиянии античной культуры на сарматскую, а не наоборот.

Изучение сарматских памятников нижнебугского региона показывает, что с середины I в. н.э. они располагаются вокруг Ольвийского государства (Симоненко, Лобай, 1991, с.86-87), а в последней четверти I в. н.э. Ольвия находится в сильном сарматском окружении (Симоненко, 1999, с.116). Вероятно, в определённой мере сармат сдерживала система городищ, существовавшая в это время по Днепро-Бугскому лиману и державшая под контролем границы государства (Буйских, 1991, с.110-115).

Судя по данным эпиграфики, Ольвия продолжала оставаться самостоятельным государством с обычной полисной структурой, здесь функционировали все главные органы полисной демократии (Карышковский, 1982а, с.6 и сл.).

Тем не менее, во второй половине I в. н.э. существовала определённая зависимость Ольвии от сарматских племён во главе с царями Фарзоём и позднее Инисмеем. Долгое время их считали скифскими правителями (Латышев, 1887, с.160-161; Зограф, 1930, с.137; Гайдукевич, 1955, с.61; и др.). Позднее П.О.Карышковский убедительно доказал, что они были

правителями группы сарматских племён, живших к северо-западу от границ Ольвийского государства (Карышковский, 1982, с.73-75).

К середине I в. н.э. появляется достаточно многочисленная группа городских медных монет с изображением головы Зевса вправо на аверсе и орла с распушенными крыльями в три четверти вправо или влево с надписью ОЛВЮ на реверсе (рис.2, 4). На части серий - буквы сигма, дзета, эта, тета - являющиеся числовыми дифферентами. Одновременны этим монетам золотые монеты царя Фарзоя (рис.1, 3). На аверсе - изображение головы царя Фарзоя вправо, на реверсе - орёл в три четверти вправо, буквы ОЛ, тамга или монограмма, а также числовые дифференты, аналогичные выявленным на городских медных монетах. Имя Фарзоя встречается как на аверсе, так и на реверсе (Карышковский, 1988, с.108-112; Анохин, 1989, с.58-59). В конце 70-х - начале 80-х годов I в. н.э. вместо золотых монет Фарзоя чеканятся серебряные Инисмея (Иненсимея). Существует предположение, что последний являлся наследником Фарзоя, что вытекает не только из факта чеканки монет обоих царей в Ольвии, но и сходства их родовых знаков. Родовой знак Инисмея усложнён по тому же принципу, что и родовые знаки на Боспоре при переходе власти от отца к сыну (Анохин, 1989, с.70). Однако С.А.Яценко выражает сомнение, что близость тамг Фарзоя и Инисмея обязательно свидетельствует об их родстве как отца и сына, так как тамги Инисмея практически отсутствуют в "энциклопедиях" сарматских знаков и вообще достаточно редки (Яценко, 2001, с.49-50).

Согласно свидетельству Диона Хрисостома и эпиграфическим данным, обстановка в районе Ольвии в описываемый период оставалась достаточно сложной, город постоянно подвергался нападениям, в его окрестностях кочевали сарматы и скифы. Сообщая о жителе Ольвии Каллистрате, Дион подчёркивал, что он храбр на войне и многих савроматов или убил, или взял в плен (Ог., XXXVI). Затем он описывает один из набегов скифов, которые зазевавшихся часовых убили, а других, может быть, увели в плен. О судьбе их не было определённых сведений, вследствие того, что бежавшие забрались слишком далеко, бросившись бежать не по направлению к городу. Ворота были на запоре, на стене было водружено военное знамя. Собравшиеся послушать речь Диона ольвиополиты почти все были вооружены (Ог., XXXVI). Ольвиополиты неоднократно отправляли посольства к скифам и сарматам, очевидно, для предотвращения набегов на город с помощью даров или дани (Латышев, 1887, с.190). Судя по сообщению Диона Хрисостома, им это удалось, набег скифов и сармат ни разу не закончился разорением города, гетский разгром он называет последним и самым страшным в истории Ольвии. Кроме того, посетив город вскоре после длительной чеканки здесь монет Фарзоя и Инисмея, он совершенно не упоминает о подчинении его скифам или сарматам.

Кажется маловероятным, чтобы он не упомянул об этом важном факте истории города, описывая его отношения с окружающими племенами как непосредственно после гетского разгрома, так и в последующее время (Ог., XXXVI).

Данные археологии, нумизматики и эпиграфики свидетельствуют об отсутствии насильственного захвата Ольвии сарматами и прямого подчинения её сарматским властителям Фарзою и Инисмею. Впрочем, сейчас это положение в целом и не оспаривается, разногласия вызывает определение конкретных племён сармат, которых возглавляли Фарзой и Инисмией (сираки, аорсы или аланы?), степень зависимости города от них и их взаимоотношения с Римской империей (Анохин, 1971; 1989; Карышковский, 1982; 1988; Щукин, 1982; 1994; Яйленко, 1987; Русяева, 1989; Виноградов, 1990; 1994; Крапивина, 1993; 1994; Симоненко, Лобай, 1991; Симоненко, 1994; 1999).

Часть исследователей определяет политику Фарзоя и Ольвии этого времени как антиримскую. По их мнению, царство Фарзоя, а потом Инисмея противостояло проникновению Рима в регион. Числовые дифференцы на монетах сарматского царя и городских монетах П.О.Карышковский связывал с “эрой Фарзоя” в Ольвии, что кажется ему вполне убедительным на фоне общей сарматизации города. Однако, как было сказано выше, согласно данным археологии сарматизации Ольвии не было. Независимый от Рима характер чеканки Фарзоя и Инисмея подчёркивался наличием на их монетах тамгообразного царского знака (Карышковский, 1962, с.117-119; 1982, с.73-75) и тем, что монеты Фарзоя были золотыми, что было запрещено правителям, зависимым от Рима (Щукин, 1982, с.36). Таким образом, был сделан вывод о некотором противостоянии Ольвии Риму и близких контактах с сарматами. Позднее появилось предположение о том, что Фарзой и Инисмией относились к сиракам, причём Фарзой был сыном их царя Зорсина. Часть сираков поселилась в Ольвии вместе с боспоранцами, сторонниками Митридата (Русяева, 1989, с.192). Наиболее полно изложил положения сторонников антиримской ориентации Ольвии М.Б.Щукин. Он подчеркнул, что наличие взлетающего орла на реверсе монет Ольвии и Фарзоя, характерного в эллинистическом мире для государств с царскими режимами, свидетельствует о появлении царя в республике-полисе. Впрочем, для ольвиополитов он был первым архонтом. Очевидно, и выпуск медных монет с Зевсом и орлом начал Фарзой. В 58 - 59 гг. н.э. выпуск монет в Ольвии прекратился в связи с деятельностью Тиберия Плавтия Сильвана, вмешавшегося в борьбу Херсонеса со скифами и поставившего гарнизоны в Тире и Ольвии. Возобновление чеканки относится к 68 - 69 гг. н.э., когда римские войска покинули город в связи с гражданской войной и Фарзой восстановил самостоятельность своего царства. Вскоре взаимоотношения

с Ольвией изменились, роль городского самоуправления возросла (Щукин, 1994, с.212-218).

Возможно и иное объяснение взаимоотношений Ольвии, сарматских правителей и Рима в это время. Во-первых, наличие взлетающего орла на монетах Ольвии скорее символизирует царскую власть Римской империи (Анохин, 1989, с.62), а не Фарзоя. Аналогичный орёл встречается и на монетах Тиры этого же времени (Анохин, 1989, №475), однако, никто не связывает его с сарматскими царями. На реверсе монет Инисмея орёл вообще отсутствует. Во-вторых, ничто не свидетельствует о том, что первый выпуск медных монет Ольвии был сделан Фарзоем. Они носят все признаки монет автономного города.

В связи с этим представляется более обоснованным мнение, согласно которому Ольвия осуществила чеканку золотых монет, дарованную Фарзоем Римом за заслуги перед последним. Этим же объясняется переход чеканки этих монет со стопы греческих статеров на стандарт римских ауреусов (Анохин, 1971, с.91; 1989, с.59). Не исключено, что в это время в Ольвии также работала ювелирная мастерская, ориентированная на вкусы сарматской знати и изготавливавшая украшения с сарматскими тамгами (Трейстер, 2006, с.254).

Безусловно, ситуация в регионе определялась не самой Ольвией, а более сильными противниками: Римской империей и Боспорским государством. Усиление экспансии Рима привело к тому, что Боспор предпринимает попытки избавиться от его протектората, что вызвало римско-боспорскую войну 45 - 49 гг. н.э. На Боспор были направлены войска Авла Дидия Галла и Гая Юлия Аквилы. На стороне Рима выступили сарматские племена аорсов, а на стороне Боспора - сираков и дандариев. Война закончилась в 49 г. победой Рима, его политическое влияние усилилось, но, постоянные римские гарнизоны на Боспоре размещены не были (Фролова, 1986, с.55-58). Херсонес принял участие в войне на стороне Рима и это позволило ему избавиться от боспорской зависимости и получить право золотой чеканки. Была введена "херсонесская" эра (Анохин, 1971, с.87-90).

Никаких конкретных сведений об участии Ольвии в этих событиях у нас нет. На основании сравнения ольвийских монет середины I в. н.э. с числовыми дифферентами с херсонесскими, В.А.Анохин пришёл к выводу о введении в 46 г. в Ольвии нового летоисчисления, так называемой ольвийской эры, предположительно связав его с римско-боспорской войной 45 - 49 гг. н.э. и походом Авла Дидия Галла против Митридата III. Выступление Ольвии на стороне Рима могло обеспечить ей ряд льгот (Анохин, 1971, с.87-90; 1989, с.61-63). Однако П.О.Карышковский на основании ольвийского декрета, содержащего титул ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ (IOSPE, I², 38), предполагал участие Ольвии в войне 45 - 49 гг. н.э. на

стороне Митридата III, а введение ольвийского летоисчисления относил ко времени похода Тиберия Плавтия Сильвана (Карышковский, 1982, с.73-74).

В настоящее время существуют три точки зрения в отношении надписи IOSPE, I², 38. Титул ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ связывают как с выступившим против Рима Митридатом III (Карышковский, 1982, с.73-74; Яйленко, 1987, с.84-85), так и сторонником Рима Котисом I (IOSPE, I², с.593; Гайдукевич, 1955, с.61). Вызывает сомнение также антиримская направленность эпитета ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ (Анохин, 1989, с.59-60). Кроме того, высказывается предположение о том, что это обычный почётный декрет Ольвии, принятие которого в честь боспорского царя исключается и вследствие этого не может привлекаться для оценки связей Ольвии с Боспорским царством и Римом (Сапрыкин, 1985, с.72). Всё это делает данный источник ненадёжным для решения вопроса об участии Ольвии в римско-боспорской войне 45 - 49 гг. н.э. на той или иной стороне.

Прямое участие Ольвии в этой войне сомнительно. Вместе с тем сложно отрицать наличие контактов с Римом в это время. Уже в первой половине I в. н.э. в Ольвии Абабом, сыном Каллисфена на собственные средства сооружается портик императорам Августу и Тиберию и народу ольвиополитов. Фиксируются торговые связи с итальянскими центрами, причём поток товаров увеличивается именно с середины I в. н.э. (Крапивина, 1993, с.128,138). Так как в Херсонесе, и позднее в Тире местное летоисчисление появляется именно как отражение важных событий в истории города, связанных с Римом, логично предположить, что и в расположенной между ними Ольвии введение нового летоисчисления было связано скорее с Римом, чем с Фарзоем, хотя противопоставление их также необоснованно, исходя из того, что они могли быть союзниками.

Практически одновременно с определением Фарзоя и Инисмея в качестве царей сираков, получила развитие гипотеза о том, что они возглавляли племена аорсов - союзников Рима в римско-боспорской войне, которые перекочевали в Северо-Западное Причерноморье из районов Подонья - Нижнего Поволжья, в то время как на их исконных землях появляются аланы (Симоненко, Лобай, 1991, с.84-88; Симоненко, 1992, с.148-162; Виноградов, 1994, с.166-169). Инисмей, вероятно, был похоронен у с.Пороги в верховьях Днестра (Симоненко, Лобай, 1991, с.71-75, 84-86). При такой интерпретации снимается вопрос о противостоянии Ольвии и Фарзоя Римской империи.

Возможно, полученные от Рима льготы соответствовали вкладу каждого из союзников в дело победы над Митридатом III. Херсонес и царь аорсов Фарзой начинают чеканить золотую монету, а Ольвия - медную. Не исключено, что аорсы были переселены Римом ближе к дунайской

границе с целью её укрепления и на них была возложена функция охраны и защиты Ольвии, которая и осуществила, возможно, в качестве оплаты за это чеканку золотых монет Фарзоя (Крапивина, 1993, с.147). Эта чеканка в течение ряда лет предполагала периодические визиты либо самого Фарзоя со свитой, либо его представителей в Ольвию. Вероятно, как и ранее Скил, они оставляли свиту за городскими воротами, чем и объясняется находка на территории ольвийского некрополя скульптур львов греческого производства с сарматскими знаками и небольшими углублениями. Не исключается их использование в ритуальных целях и нападавшими на город сарматами, о которых писал Дион Хрисостом (Or., XXXVI). Представители сарматских царей Фарзоя и Инисмея могли даже какое-то время проживать как в Ольвии, так и на её хоре, контролируя чеканку монет и осуществляя охрану государства. Этим также можно объяснить появление вышеупомянутого сарматского погребения на хоре Ольвии у с.Козырка.

В ольвийском декрете I в. н.э., найденном под Мангупом, упоминаются посольства к наместникам Мезии, которые изыскали возможность и послали на помощь Ольвии вспомогательный отряд, а также к великим царям Аорсии (Сидоренко, 1988, с.86-87; Виноградов, 1994, с.166-169), что подтверждает связь Ольвии с Римом и аорсами. В целом этой гипотезе не противоречит и то, что часть исследователей достаточно убедительно отождествляет Фарзоя и Инисмея с аланами, так как ряд фактов свидетельствует о тесных родственных связях царских родов аорсов и аланов (Скрипкин, 1990, с.208-220; Яценко, 1993, с.83,85). Скорее всего, в середине - третьей четверти I в. н.э. к северу и северо-западу от Ольвии действительно появились аорсы, но под политическим главенством и в составе аланской орды (Симоненко, 1999, с.115). Тип тамги Фарзоя, в частности, мог попасть в Сарматии из восточносакского культурного мира. Тамга собственно Фарзоя представлена как в Ольвии и её округе, так и в Пантикапее и далее - в Хакасии. Встречается также на парадных копьях у германцев Польши и Норвегии. Тамги Инисмея гораздо более редкие, кроме Ольвии они зафиксированы к северо-западу от неё - на территории современной Винницкой области в Украине и в Рошаве-Драгане в Болгарии. Единственный точный аналог ей в иранском мире - на окраинных землях усуней (Яценко, 2001, с.49-50).

Предполагается, что военный союз был заключён ольвиополитами с Тиберием Плавтием Сильваном (Виноградов, 1990, с.32; 1994, с.166-169). Он занимал пост легата провинции Мезии между 57 и 67 гг. н.э. По прибытии в провинцию он переселил сюда более 100 тысяч задунайских жителей, провёл ряд мероприятий, способствующих стабилизации обстановки в провинции и на её границах, подавил начинавшееся движение

сармат, подчинил бастарнов и роксолан (CIL, XIV, 3608).

В 70 - 80-е годы н.э. Римская империя ведёт непрерывные войны с сарматами и даками, в связи с чем уменьшается римское влияние в Северном Причерноморье. Возможно, отражением этого процесса является сообщение Диона Хрисостома о достаточно враждебном отношении ольвиополитов к Римской империи, осуждались отдельные граждане, проявлявшие расположение к римлянам (Or., XXXVI). Этому способствовало, вероятно, отсутствие помощи Рима в сложное для Ольвии время, когда она подвергалась постоянным набегам кочевых племён.

Во времена Траяна (98 - 117 гг. н.э.) между 106 и 111 гг. н.э. в Ольвию был послан отряд пехотинцев, вооруженных длинными щитами (IOSPE, I2, 687), для защиты города и его округа (Виноградов, 1990, с.31). Однако вряд ли римские войска находились в это время в Ольвии постоянно, они, вероятно, появлялись здесь время от времени. Именно отсутствие римских войск в Ольвии позволило в середине II в. н.э. напасть на неё “тавро-скифам”, которые впервые упоминаются Птолемеем, как живущие в окрестностях Ахиллова бега (Тендровской косы) (Латышев, 1887, с.190). Следы разрушений прослеживаются на всех приольвийских городищах, иногда здесь выявляют сарматские железные трёхлопастные наконечники стрел II в. н.э., что даёт возможность предполагать, что так называемые тавро-скифы скорее были сарматами. Система городищ Ольвийского государства приняла удар на себя и выполнила свою задачу - столица государства осталась невредимой (Буйских, 1991, с.134). Ольвиополиты выиграли время и, поскольку они сами были не в силах отразить нападение, обратились за помощью к римлянам. Антонин Пий выслал войска, которые потеснили “тавро-скифов” и вынудили заключить выгодный для Ольвии мир, дать заложников (SHA, Ant. Pius, 9,9). Возможно, именно об этой победе упоминается в одной из ольвийских надписей, в которой указывается, что служители храма Аполлона украсили храм, гордые славой, так как была “сведена трофееносная победа на толпы супостатов, которую всё отечество празднует жертвоприношениями” (IOSPE, I2, 175). Можно предположить, что и надпись, упоминающая благодарственное жертвоприношение за мир и спасение города, совершённое при жреце Амнаге, сыне Рафагора, которое датируется в пределах II в. н.э. (IOSPE, I2, 162), относится к этому же времени (Крапивина, 1993, с.148).

После снятия осады “тавро-скифов” войсками, присланными Антонином Пиетом (138 - 161 гг.), в Ольвии размещается римский гарнизон, а в конце 197 - первой половине 198 г. н.э. она была включена в состав римской провинции Нижняя Мезия (Крапивина, 1993, с.149-150). Таким образом, была стабилизирована военно-политическая обстановка вокруг Ольвии, что способствовало развитию её экономики. Практически по всей

территории города развернулось строительство, в южной оконечности Верхнего города возводятся оборонительные стены цитадели с казармой римских легионеров, преторием и арсеналом.

Возрождается сельскохозяйственная округа. В конце II - III в. н.э. - это укрепленные городища, которые продолжают занимать самые возвышенные и благоприятные для обороны точки, на мысах или на гребне водоразделов. Наибольшая плотность заселения характеризует правый берег Бугского лимана, наименьшая - верховья лиманов. Городища располагаются на расстоянии визуальной видимости друг от друга и охватывают все основные районы хоры (Буйских, 1991, с.104-105). Вновь создаётся система защиты территории Ольвийского государства и обеспечиваются благоприятные условия для занятий сельским хозяйством.

Процветание города и его окружи прекращается с 30-х гг. III в. н.э. Это, в значительной степени, было связано с общей ситуацией в Римской империи, характеризующейся крайней нестабильностью и массовыми вторжениями варварских племён со второго десятилетия III в. н.э. Вторая - третья четверти III в. н.э. ознаменовались так называемыми “скифскими” или “готскими” войнами, охватившими также и Северное Причерноморье. В них приняли участие различные этнические группы, известные древним авторам под общим названием “скифы”, “сарматы” или “готы”.

Первые вторжения задунайских племён в пределы Римской империи, а именно в правобережье Дуная, относятся к 232 - 238 гг. н.э. (Ременников, 1954, с.29; Буданова, 1990, с.82-83). Скорее всего, в “скифской” войне этого времени участвовали придунайские готы - везеготы, выступавшие после 238 г. н.э. во вспомогательных войсках империи (Буданова, 1990, с. 83-84). О следующем вторжении готов в Нижнюю Мезию сообщает Иордан и относит его к концу правления императора Филиппа (Iord. Get. 90-93). Состав участников вторжения, среди которых не упомянуто ни одно племя, жившее восточнее Днестра, даёт основания предполагать, что этот поход был также совершён придунайскими готами (везеготами). Следующий поход союза племён относится к 251 г. н.э., возглавил его король везеготов Книва, который захватил после длительной осады Филиппополь (Буданова, 1990, с.84-89). Следующие нашествия начинаются в 253 - 255 гг. н.э. и охватывают практически всё северное пограничье Римской империи (Шукин, 2005, с.138-139). В середине 50 - 60-х гг. III в. н.э. варвары совершали в основном морские походы, опустошая Восточное, Южное и Западное Причерноморье (Ременников, 1954, с.71-72,78-81; Буданова, 1990, с.92-98).

Затем на исторической сцене появляются герулы - новая группировка выходцев из Скандинавии (Шукин, 2005, с.146). Флот герулов и остроготов, в составе 500 судов, двинулся в 267 - 268 гг. н.э. из Меотиды через Понт

в устье Истра, где соединился с везеготами и, подвергнув разорению ближайшие районы, направился в район Боспора Фракийского, затем напал на побережье Греции. Однако на этот раз флот варваров был уничтожен и они были вынуждены отступить сухопутным путём. На границе Македонии и Фракии варвары были разгромлены войсками императора Галлиена (Буданова, 1990, с.97-99; Шукин, 2005, с.146).

Поход 269 г. н.э. отличался от всех предыдущих тем, что это была попытка коалиции племён поселиться на землях Римской империи. Вместе с воинами выступили в поход и их семьи (SHA, Claud., 6, 2; 8, 6; 9, 4; Zosim. I, 42-46). В составе коалиции были четыре готских племени: грейтунги, остроготы, тервинги и везеготы. Поход начался от устья Днестра (Тираса), варвары двигались по суше и по морю. Решающее их сражение с римскими войсками состоялось у г.Наисса, где варвары были разбиты и отброшены в горы Гема. Вследствие одержанных побед император Клавдий получил титул Готский. После этих событий несколько меняется характер взаимоотношений между Римской империей и готами, теперь практикуется расселение последних вдоль правого берега Дуная, в пограничной полосе империи (Ременников, 1954, с.127-130, 144, 145; Буданова, 1990, с.99-100).

В результате этих варварских вторжений в различное время были захвачены и сожжены Тира, Ольвия, города Боспорского царства. Ни в письменных, ни в эпиграфических источниках не содержится никаких упоминаний о времени разгрома ими Ольвии. Долгое время считалось, что она была разрушена либо во время первого похода северопричерноморских племён против Римской империи в 232 - 235 гг. н.э. (Латышев, 1887, с.211; Гайдукевич, 1955, с.65; и др.), либо во время последнего их похода в 269 - 270 гг. н.э. (Карышковский, 1969, с.178-179).

Археологическими исследованиями в юго-восточной части Верхнего города Ольвии (участок Р-25) было установлено наличие двух слоёв разрушения города в III в. н.э., что позволило согласовать обе точки зрения о времени его разгрома "готами" и уточнить характер этих разгромов (Крапивина, 1991, с.47-49; 1993, с.154). Термин "готы" в данном случае достаточно условен, так как собственно северогерманские племена - готы - зафиксированы в районе Ольвии не ранее середины - третьей четверти III в. н.э. (Магомедов, 2001, с.134). В связи с этим вполне можно предположить, что основной массив племён, напавших на Ольвию в 232 - 238 гг. н.э., составляли сарматы. Они, вероятно, приняли участие, уже вместе с готскими племенами, и во втором разгроме города. Более того, они появляются, скорее всего, периодически, в окрестностях Ольвии и позднее, так как сарматские тамги на ольвийских мраморных львах датируются до середины IV в. н.э. (см. выше).

Мощный слой пожарища, выявленный по всей площади Ольвии первых веков н.э. (рис.3, 1), следует связывать с первым “готским” разгромом 232 - 238 гг. н.э. Насыщенность этого слоя вещевым материалом и последовавшее сравнительно быстрое восстановление города позволили сделать вывод о кратковременности катастрофы. Косвенным подтверждением происшедшего могут служить эпитафические памятники из Ольвии времени правления Александра Севера (222 - 235 гг. н.э.). Во-первых, это строительные надписи - IOSPE, I², 184-185, HO, 52, последняя из которых содержала сведения о восстановлении оборонительной стены архонтами. Во-вторых, это посвященные надписи коллегии стратегов - IOSPE, I², 94,107, IOSPE, I², 97 + HO, 83. В двух из них стратеги делают посвящение за спасение города и свое собственное, а в двух - совет и народ почтили стратегов золотым венком, вероятно, за особые заслуги перед городом (Крапивина, 1993, с.154).

Предположение В.М.Зубаря (1997, с.291-295) о том, что этот слой разгрома Ольвии может быть связан с нашествием карпов в 214 г. н.э., опровергается как находкой серебряного денария Александра Севера в одном из помещений, погибших в результате пожара (Крапивина, 1997, с.23-24), так и вышеперечисленными эпитафическими памятниками.

Наличие слоя разрушения и запустения, перекрывшего строительные остатки восстановленной после первого “готского” разгрома Ольвии, относится, скорее всего, к 269 - 270 гг. н.э. - времени наиболее массового похода северопричерноморских племён. Ольвия была полностью разрушена, жители покинули её.

В период “скифских” или “готских” войн происходит формирование черняховской культуры в регионе. Первоначально существовало две точки зрения на время этого процесса в Северо-Западном Причерноморье. Часть исследователей относил его ко II - середине III в. н.э. (Магомедов, 1987, с.94; Крыжицкий и др., 1989, с.154-155), что позволяло предполагать контакт черняховцев с Ольвией и Тирой. Однако большинство учёных обоснованно считало, что формирование этой культуры в Причерноморье относится к середине - второй половине III в. н.э. и связано с появлением здесь северного черняховского населения (Гороховский, 1985, с.21-22; Гороховский и др., 1985, с.36; Гей, 1986, с.77; Гудкова, 1987, с.16; Гудкова, Крапивина, 1990). Сейчас вторая точка зрения является общепринятой (Магомедов, 2001, с.134; Крыжицкий и др., 1999, с.339-340).

Представляется возможным связать появление этого населения с готским походом 269 - 270 гг. н.э., в результате чего была разрушена не только сама Ольвия, но и прекратили существование последние городища ольвийской периферии (Гороховский та ін., 1985, с.37), а также нижнеднепровские городища (Погребова, 1958, с.235-237).

Выявленное в северной части Нижнего города Ольвии погребение ребёнка 2 - 3 лет (определение выполнено к.и.н. Т.А.Назаровой) может быть отнесено именно к этому времени (рис.3, 2). Анализ сопровождающего инвентаря, который суммарно датируется второй половиной III - первой половиной IV в. н.э., а также обряда погребения, позволяет констатировать, что оно связано с представителями черняховской культуры. Очевидно, захоронение было осуществлено в экстремальной ситуации - умер ребёнок и его похоронили по племенному обряду на чужой территории. Погребение было нарушено при позднейшей строительной деятельности (Лейпунская, 2006, с.185-188). Н.А.Лейпунская полагала, что это произошло в период между двумя готскими нашествиями - 230-х гг. и 269 - 270 гг. н.э. (2006, 188). Однако представляется более логичным связать его со временем второго готского нашествия на Ольвию 269 - 270 гг. н.э., когда жизнь на месте города прекращается на какое-то время, чего не произошло после первого нашествия. Данный факт косвенно подтверждает информацию о том, что готы, решив поселиться на землях Римской империи, выступили в поход вместе с семьями (SHA, Claud., 6,2).

Хотя при Аврелиане из Дакии были выведены римские войска и часть романизованного населения (Колосовская, 1955, с.83-84; Кругликова, 1955, с.154-155), в 271 г. н.э. римляне нанесли тяжёлое поражение готам, в 272 г. н.э. разбили на Нижнем Дунае карпов, после чего наступило затишье в военных действиях. Затем император Проб (276 - 282 гг. н.э.) в 279 г. н.э. частично подчинил, частично принял в дружественный союз "все готские народы", а в 280 г. н.э. расселил на опустевших землях в Нижнем Подунавье бастарнов, гепидов, грейтунгов и вандалов (Буданова, 1990, с.105). Подобную политику продолжали Диоклетиан (284 - 305 гг. н.э.) и Константин (306 - 337 гг. н.э.).

Вероятно, появление черняховских поселений на территории бывшей Ольвийской периферии следует связывать с вышеописанными событиями и относить не ранее, чем к концу III в. н.э. Конкретно в районе Ольвии, скорее всего, появляются грейтунги, постепенное продвижение которых к Днестру зафиксировал Аммиан Марцеллин в середине IV в. н.э. (Amm. Marc., XXXI, 3, 1-5). Эти сведения в значительной степени подтверждаются археологически, черняховские памятники в степях между Днестром и Дунаем датируются серединой - второй половиной IV в. н.э., плотность их расположения уменьшается с запада на восток (Гудкова, 1987, с.16; 1989, с.43).

Территория собственно Ольвии не была занята носителями черняховской культуры. Вероятно, жизнь здесь возобновляется раньше, чем последние возвращаются из походов и поселяются на территории бывшей хоры Ольвии. Это произошло не ранее конца 70 - начала 80-х

годов III в. н.э., римские монеты тут появляются только при Диоклетиане (284 - 305 гг. н.э.) (Карышковский, 1968, с.178). Вызывает сомнение возможность присутствия в это время в Ольвии римского гарнизона. Во всяком случае, материалы раскопок пока никак этого не подтверждают. Предположение о возможности нахождения римского гарнизона или хотя бы наблюдательного отряда в Ольвии во времена Диоклетиана было высказано П.О.Карышковским на основании находки в *Troaeum Traiani* (совр. Адамкисси, Румыния) латинской надписи с упоминанием Зевса Ольвиополитанского (1968, с.168-179). Однако источник этот неоднозначен и не может служить единственным основанием для подобных выводов. Возможно, надпись связана с культом Зевса из достаточно далекой Ольвии. Она также может свидетельствовать о существовании последней в это время. Тем не менее, вряд ли в столь сложной для Римской империи обстановке, когда она была вынуждена сокращать целые провинции, имело смысл держать гарнизон или даже отряд в далёкой Ольвии (Крапивина, 1993, с.155). Характер связей с Римской империей не ясен, однако, он не мог быть определяющим. Обстановка в регионе была обусловлена, прежде всего, взаимоотношениями Ольвии с окружавшими её носителями черняховской культуры.

Территория самого города сократилась незначительно относительно предшествующего периода: это по-прежнему южная часть Нижнего и Верхнего города, за исключением центральной возвышенности. Большое по площади производственно-хозяйственное предместье продолжает существовать в Нижнем городе и в террасной части, функционирует порт. В это время Ольвия, скорее всего, не имела оборонительных сооружений, они были разрушены в 269 - 270 гг. н.э. и больше не восстанавливались. Пока это установлено только в отношении юго-восточной части оборонительной стены, располагавшейся вдоль склона к лиману. На её месте зафиксированы водостоки, а камни пошли на строительство, в частности, наружной стены жилого дома (рис.3, 3) (Крыжицкий и др., 1999, с.326).

Характер строительных остатков конца III - IV в. н.э. свидетельствует о сохранении прямоугольной планировки в пределах отдельных районов города. На территории бывшей цитадели выявлена вымостка Главной улицы, располагавшаяся на верхней террасе почти параллельно склону (рис.3, 4). Её южная часть расширяется в это время и образует небольшую площадь, замощенную каменными плитами и известняковой щебёнкой, ограниченную в юго-восточной части бордюрными камнями. В южной части вымостки был найден бронзовый статер Рескупорида V (325/326 гг. н.э.). В северной части перпендикулярно этой улице к востоку отходили два переулка. К северу от бывшего здания претория была выявлена поверхность древней грунтовой дороги, перекрывшей строительные остатки II - III

вв. н.э. Она перпендикулярна Главной улице. В южной части Нижнего города, на участке НГФ-СВ раскрыта площадь с системой водостоков различной конструкции (каменных и черепичных), с водосборными и даже “смотровым” колодцами, препятствовавшими попаданию воды на нижнюю террасу (рис.4, 1-2). Застройка склона по-прежнему проводилась террасами. Дома характеризуются значительной площадью, равнозначно-параллельным принципом планировки, иногда наличием вторых этажей, сочетанием жилых и хозяйственных помещений (рис.4, 4). Стены обмазывались глинистым раствором, штукатурились, в интерьере могли использоваться небольшие колонны и мраморные облицовочные плиты. Крыши были в основном черепичными. Дворы обычно вымощены камнем, имеют водостоки и водосборные колодцы, изредка - прямоугольные в плане алтари. Выявлено большое здание, сложенное на известковом растворе, предположительно общественного назначения. Оно было сооружено не ранее конца III в. н.э. (рис.4, 3). На уровне его каменной вымостки была найдена небольшая стеклянная литая голова, выполненная в высоком рельефе, предположительно местной работы. Судя по иконографии, это изображение морского божества, рот которого полуоткрыт. Вероятно, голова служила вставкой в плиту фонтана, украшавшего интерьер здания. Итак, на основании исследований, проведённых в Верхнем и Нижнем городе Ольвии, можно констатировать, что в планировке и строительной технике зданий конца III - IV в. н.э. сохраняются античные традиции, а некоторое ухудшение качества строительства является, вероятно, следствием экономических причин. Интересно появление на последнем этапе жизни Ольвии новых улиц и площадей (Крапивина, 2006, с.180-188). Материальная культура Ольвии в целом также остается античной, хотя материалы этого времени по численности значительно уступают предшествующему периоду.

Некрополь Ольвии конца III - IV вв. н.э. пока не выявлен. Вряд ли он располагался далеко от города. С учётом того, что северная часть ольвийского некрополя, прилегающая к городищу, исследована достаточно хорошо, его следует искать к западу и юго-западу от города, за Заячьей балкой. Абсолютно необоснованно утверждение об открытии “целого ряда погребений заключительного этапа истории Ольвии на территории Ольвии” (Зубарь, Сон, 2007, с.188). Единственное погребение, раскопанное в Нижнем городе, описано выше и связано с готским разгромом города. Информация о серии черепов черняховского типа, якобы выявленных в Ольвии (Магомедов, 2007, с.47-54), также не отвечает действительности. В НИАЗ “Ольвия” НАН Украины действительно хранилась серия черепов, происхождение которой неизвестно, но по информации исследователей некрополя Ольвии здесь их не находили. Характер сохранности этих

черепов резко отличен от антропологических материалов из Ольвии. Кроме того, в НИАЗ “Ольвия” хранятся также материалы из раскопок на территории ольвийской периферии (Крапивина, 2008, с.76-78), где, как известно, располагались поселения и могильники черняховской культуры.

Резко сокращается хора Ольвии конца III - IV в. н.э., она существует теперь только в радиусе 5 - 10 км. По-прежнему основой экономики является сельское хозяйство традиционных направлений с тем же набором сельскохозяйственных культур. Из-за сокращения хоры возрастает роль животноводства, ремёсел и промыслов. Достаточно важную роль играет торговля, однако в целом относительно предшествующего этапа количество торговых связей и поступавших товаров значительно сокращается.

Черняховские поселения в Нижнем Побужье, на основной территории бывшей ольвийской хоры, существуют с конца III по первую четверти V в. н.э. Их количество более чем вдвое превышает число приольвийских городищ II - III вв. н.э. (Крыжицкий и др., 1989, с.159). Они, как и во всём ареале распространения культуры, обычно располагались на пологих склонах балок и долин небольших рек, иногда - на обрывистых берегах лиманов, чаще в стороне от античных памятников. Следует отметить в целом большую плотность заселения верховьев лиманов. Поселения обычно однослойные, не укреплены, имеют вытянутую конфигурацию со свободной планировкой, улицы не прослеживаются (Магомедов, 1987, с.13-14). Итак, характер их застройки резко отличается от ольвийской. Остатки жилищ черняховцев зафиксированы на территории отдельных городищ ольвийской периферии предыдущего периода, однако, оборонительные сооружения не были восстановлены ни на одном из них (Крыжицкий и др., 1989). Таким образом, информация о восстановлении черняховцами оборонительных сооружений на античных городищах (Магомедов, 2007, с.47-54), не соответствует действительности. При этом надо отметить, что хотя основой экономики окружавшего населения черняховской культуры также являлось сельское хозяйство, оно имело свои отличия от ольвийского (Крапивина, 1999, с.96-99).

Характер взаимоотношений Ольвии и племён черняховской культуры в Нижнебугском регионе в это время достаточно дискуссионный. В частности, есть мнение, что они составляли единый экономический и политический организм (Магомедов, 1985, с.47-49) или, как минимум, Ольвия находилась под готским господством и какую-то часть её населения составляли черняховцы (Магомедов, 2001, с.20,138). Ольвию определяют то как центр варварских племён (Магомедов, 2007, с. 47-54), то как один из варварских посёлков (Зубарь, Сон, 2007, с.188-189).

Отсутствие оборонительных сооружений у черняховских поселений (два укрепленных городища: Александровка на Ингульце и Городок на

Южном Буге - располагались гораздо севернее Ольвии) и в Ольвии (хотя бы частичное) свидетельствует о мирных взаимоотношениях между ними. Существуют торговые контакты, хотя вряд ли Ольвия была единственным торговым контрагентом для окружающих черняховских племён. Вероятно, ольвийские ремесленники работают в русле их потребностей. Однако при этом каждое из этих обществ сохраняет свою специфическую структуру и тип хозяйственной деятельности. Ольвия не стала политическим, экономическим или культурным центром черняховских поселений региона. Никаких данных о наличии черняховцев среди жителей Ольвии у нас нет. В целом облик Ольвии и характер её материальной культуры остаются античными (Крапивина, 1993, с.155-157; Крыжицкий и др., 1999, с.325-329). Наличие же отдельных предметов, связываемых с черняховцами, свидетельствует только о контактах между ними. Во всяком случае, данные, позволяющие считать иначе, пока отсутствуют.

Жизнь на территории Ольвии прекращается на рубеже третьей - четвёртой четверти IV в. н.э., т.е. практически на полстолетия раньше, чем на окружающих черняховских поселениях. Вероятно, это произошло ещё до гуннского нашествия. Причины этого, скорее всего, связаны с экономическим положением Ольвии. Попытки перестройки экономики на основе преимущественного развития ремесла для неё успехом не увенчались. Возможно, ремесленникам (прежде всего кузнецам и гончарам) было выгоднее селиться среди непосредственных потребителей товара, т.е. на черняховских поселениях, где фиксируется наличие какого-то количества греческого населения (Магомедов, 1985, с.49; Крыжицкий и др., 1989, с.219).

Так завершилась почти тысячелетняя история античной Ольвии, оказавшей большое влияние на варварское население региона и сохранившей античные традиции на протяжении всего периода своего существования.

Ключові слова: Ольвія, I - IV ст. н.е., населення, Римська імперія, варвари, скифи, “тавро-скифи”, сармати, готи, черняхівська культура.

Ключевые слова: Ольвия, I - IV вв. н.э., население, Римская империя, варвары, скифы, “тавро-скифы”, сарматы, готы, черняховская культура.

Key-words: Olbia, I - IV centuries AD, population, Roman Empire, barbarians, Scythians, “Tauro-Scythians”, Sarmatians, Goths, Tchernyahov culture.

Крапивіна В.В. (м.Київ, Україна)

Ольвія Понтійська та варвари у I - IV ст. н.е.

(Резюме)

Після гетського розгрому середини I ст. до н.е. життя на місці Ольвії відроджується не раніше кінця I ст. до н.е. Серед громадян міста згідно ономастики фіксується значний відсоток іраномовних імен. Це явище все ще не має однозначного пояснення. При цьому матеріальна та духовна культура Ольвії залишаються античними.

В I - II ст. н.е. Ольвія опиняється у щільному сарматському оточенні. Сарматські царі Фарзой та Інісмей карбують тут свої монети. Можливо, це пояснюється своєрідним протекторатом над містом. Однак Ольвія зберігає всі риси автономного міста, сарматизація тут не простежується. Не виключена можливість існування договору міста з Римською імперією та царями Аорсії.

У середині II ст. н.е. Ольвійська держава зазнала навали “тавро-скіфів”. Гинуть городища хори, облога міста була знята за допомогою римських військ. В Ольвії розміщується римська залага.

Прозвітання міста та його хори було перерване під час “скіфських” або “готських” війн. Ольвія двічі зазнала навали варварів: у 230-ті рр. та під час кампанії 269 - 270 рр. н.е. Життя тут відроджується не раніше кінця 70-тих - початку 80-тих рр. III ст. н.е. Останній етап історії Ольвії пов'язаний з населенням черняхівської культури, поселення якої займають територію колишньої хори Ольвії. Однак місто до кінця зберігає античні традиції. Життя тут остаточно припиняється на рубежі третьої - четвертої чверті IV ст. н.е.

Крапивина В.В. (г.Київ, Україна)

Ольвия Понтийская и варвары в I - IV вв. н.э.

(Резюме)

После гетского разгрома середины I в. до н.э. жизнь на месте Ольвии возрождается не ранее конца I в. до н.э. Среди граждан города согласно ономастике фиксируется значительный процент ираноязычных имён. Это явление всё ещё не имеет однозначного объяснения. При этом материальная и духовная культура Ольвии остаются античными.

В I - II вв. н.э. Ольвия оказывается в плотном сарматском окружении. Сарматские цари Фарзой и Инисмей чеканят здесь свои монеты. Возможно, это объясняется своеобразным протекторатом над городом. Однако

Ольвия сохраняет все черты автономного города, сарматизация здесь не прослеживается. Не исключена возможность существования договора города с Римской империей и царями Аорсии.

В середине II в. н.э. Ольвийское государство испытало нашествие “тавро-скифов”. Погибли городища хоры, осада города была снята при помощи римских войск. В Ольвии размещается римский отряд.

Процветание города и его хоры было прервано во время “скифских” или “готских” войн. Ольвия дважды испытала нападение варваров: в 230-тых гг. и во время кампании 269 - 270 гг. н.э. Жизнь здесь возрождается не ранее конца 70-тых - начала 80-тых гг. III в. н.э. Последний этап истории Ольвии связан с населением черняховской культуры, поселения которой занимают территорию бывшей хоры Ольвии. Однако город до конца сохраняет античные традиции. Жизнь здесь окончательно прекращается на рубеже третьей - четвёртой четверти IV в. н.э.

Krapivina V.V. (Kiev, Ukraine)

Olbia Pontica and Barbarians in the I - IV Centuries AD

(Summary)

After the invasion of Getae in the middle of the Ist century BC life on the place of Olbia renewed not earlier the end of the Ist century BC. There is fixed a considerable quantity of Iranian names among the citizens in onomastics of the city. This phenomenon still has no well-defined solving. However the material and the spiritual culture of Olbia preserved antique character.

In the Ist - IInd centuries AD Olba was in dense Sarmatian surrounding. Sarmatian kings Pharzoios and Inismeus mint there their coins. Probably that could be explained by some kind of protection on Olbia. However Olbia preserved all features of autonomic city. There was no sarmatization here. It can't be excluded that there was the treaty between the city, Roman Empire and kings of Aorsia.

In the middle of the IInd century AD Olbian state was attacked by “Tauro-Scythians”. Fortified settlements of Olbian chora perished, the siege of Olbia was taken away with the help of Roman troops. Roman garrison was settled in Olbia.

The blossom of the city and its chora was interrupted during “Scythian” or “Gothian” wars. Olbia was twice destroyed by barbarians: in 232 - 238 years and during campaign of 269 - 270 years. The restoration of the life on the place of Olbia took place not earlier the end of 70-th - the beginning of 80-s years of the IIIrd century AD. The last period in the history of Olbia was connected with the population of Tchernyahov culture. Its settlements occupied the territory of

the previous chora of Olbia. However the city preserved antique traditions. The life was finally stopped here on the boundary of the third-fourth quarter of the IVth century AD.

Список иллюстраций

Рис.1. Ольвия: 1. План городища. Штриховкой отмечена застройка города первых вв. н.э. 2. Фрагмент краснолакового кувшина с граффити (рисунок Т.А.Зиновьевой). 3. Золотые монеты царя Фарзоя (рисунок М.В.Русяевой).

Рис.2. Ольвия: 1. Астрагал с тамгой Фарзоя. 2. Астрагал с насечками. 3. Фрагмент краснолакового кувшина с граффити. 4. Городские медные монеты I в. н.э.

Рис.3. Ольвия: 1. Следы пожара 230-х гг. н.э. 2. Черняховское погребение в Нижнем городе. 3. Стена жилого дома IV в. н.э., в которой использованы плиты из оборонительной стены. 4. Главная улица города в IV в. н.э.

Рис.4. Ольвия: 1. Площадь IV в. н.э. в Нижнем городе. 2. Водостоки на площади IV в. н.э. в Нижнем городе. 3. Здание общественного назначения конца III - IV в. н.э. 4. Остатки жилого дома IV в. н.э.

Литература

Анохин В.А. К вопросу об ольвийской эре // Нумизматика и сфрагистика. - 1971. - 4. - С.87-91.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - К., 1989.

Білецький А.О. Про власні імена з ольвійських написів // Археологія. - 1957. - XI. - С.21-25.

Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII - I вв. до н.э. - М., 1952.

Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. - М., 1990.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). - К., 1991.

Виноградов Ю.Г. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Тезисы докладов. - М., 1990. - С.27-32.

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. - 1994. - 2. - С.151-171.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. - К., 1972.

Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья, I, II (новые материалы). Препринт. - К., 1991.

Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В. Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. - Керчь, 2005. - С.66-73.

Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. - М.-Л., 1955. - С.23-147.

Гей О.А. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. - 1986. - 1. - С.77-84.

Герцигер Д.С. Материалы из римского некрополя Ольвии в Эрмитаже // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. - Парутино, 1985. - С.16-18.

Гороховский Е.Л. Хронология могильников Черняховской культуры // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. - М., 1985. - С.21-22.

Гороховский Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ ольвійської хори // Археологія. - 1985. - 49. - С.25-41.

Гудкова А.В. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора исторических наук. - К., 1987.

Гудкова А.В. О классификации памятников III - IV вв. в Днепродунайской степи // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья. - К., 1989. - С.34-35.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Препринт. - К., 1990.

Денисова В.И. Памятник с сарматскими знаками из Ольвии // Тезисы докладов Крымской научной конференции "Проблемы античной культуры". - Симферополь, 1988. - С.237.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северо-причерноморской периферии античного мира первых веков нашей эры. - К., 1975.

Зограф А.Н. Римские монеты из Ольвии // ИГАИМК. - 1930. - VI. - Вып.4. - С.5-15.

Зубар В.М. Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях н.е. // Археологія. - 1996. - 4. - С.127-135.

Зубарь В.М. Из истории Ольвии первой половины III в. н.э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Одесса, 1997. - С.291-295.

Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху // МАИЭТ. - Suppl. - 3. - Симферополь, 2007.

Карышковский П.О. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. - 1968. - 1. - С.168-179.

Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. - IV в. н.э.) Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора исторических наук. - Л., 1969.

Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. - К., 1982. - С.66-82.

Карышковский П.О. Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. - К., 1982а. - С.6-28.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. - К., 1988.

Книпович Т.Н. Население Ольвии в VI - I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. - 1956. - 50. - С.119-153.

Козуб Ю.И. История развития западной окрестности Ольвии (Предградье и некрополь: конец VI в. до н.э. - середина III в. н.э.) // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. - Парутино, 1985. - С.37-39.

Колосовская Ю.Н. К истории падения римского господства в Дакии // ВДИ. - 1955. - 3. - С.63-84.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв. н.э. - К., 1993.

Крапивина В.В. Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // Археологія. - 1994. - 2. - С.123-129.

Крапивина В.В. Комплекс жилых домов II - III вв. н.э. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии // Новые страницы древней истории Южной Украины. Тезисы международной конференции. - Николаев, 1997. - С.23-24.

Крапивина В.В. Нижнє Побужжя в III - IV ст. н.е. (до історії взаємовідносин греків та варварів) // Україна-Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва (м.Маріуполь, 27-29 травня 1999 р.). Збірник наукових праць міжнародної науково-практичної конференції. - I том, частина I. - Маріуполь, 1999. - С. 96-99.

Крапивина В.В. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. - Керчь, 2004. - С.205-208.

Крапивина В.В. О застройке Ольвии в конце III - IV в. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Откоп. Материалы VII Боспорских чтений. - Керчь, 2006. - С.180-188.

Крапивина В.В. О финальном этапе истории Ольвии // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Серія "Історичні науки". Спецвипуск. - Миколаїв, 2008. - Т.96. - Вип.83. - С.76-78.

Крапивина В.В. О предметах с сарматскими знаками из Ольвии // XII

Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. - Керчь, 2011. - С.199-203.

Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - М., 1955.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. - К., 1989.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. - К., 1999.

Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. - СПб., 1887.

Латышев В.В. Декрет из Дионисополя, сообщённый К.В.Шкорпиллом // ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Чёрного моря. - СПб., 1909.

Лейпунская Н.А. Детское погребение 3 - 4 вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья // Труды ГИМ. - Вып.159. - М., 2006. - С.183-188.

Магомедов Б.В. Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. - Парутино, 1985. - С.47-49.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. - К., 1987.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. - Люблин, 2001.

Магомедов Б.В. Ольвия і варвари в пізньоантичний період // Археологія. - 2007. - 4. - С.47-54.

Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. - 1886. - 247. - С.232-282.

Надписи Ольвии (1917-1965). - Л., 1968.

Назарова Т.А. К антропологической характеристике населения Ольвии и Березани // Археологія. - 1994. - 3. - С.85-92.

Погрехова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. - 1958. - 64. - С.103-247.

Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. - М., 1984.

Покас П.М. К антропологии населения Ольвии в первые века н.э. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых учёных. - К., 1981. - С.87.

Ременников А.М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. - М., 1954.

Русяева А.С. Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // Археологія. - 1982. - 37. - С.3-16.

Русяева А.С. О культурной жизни Ольвии послегетского времени // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. - К., 1986. - С.4-25.

Русяева А.С. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Тези доповідей. - К., 1989. - С.192-193.

Русяева А.С. Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // Археологія. - 1995. - 2. - С. 24-37.

Сапрыкин С.Ю. Ольвия и Боспор в I в. н.э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. - Парутино, 1985. - С.72-73.

Сидоренко В.А. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангупом // Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской научной конференции. - Симферополь, 1988. - Часть 1. - С.86-87.

Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей - аорсы или аланы? // ВДИ. - 1992. - 3. - С.148-162.

Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. - 1999. - 1. - С.106-118.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. - К., 1991.

Славін Л.М. Ольвія. Місто // Археологія УРСР. - К., 1971. - II. - С.283-299.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. - Саратов, 1990.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. - К., 1959.

Тохтасьев С.Р. Остракон с поселения Козырка XII Ольвийской хоры // HYPERBOREUS. Studia Classica. - Petropoli, 2002. - Vol.8. - Fasc.1. - С.72-98.

Тохтасьев С.Р. К демографической истории Ольвии римского времени. (В печати).

Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье (К находке из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. - М., 2006. - С.245-258.

Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц Ольвии I - III вв. н.э. // ВДИ. - 1977. - 4. - С.156-182.

Фролова Н.А. Золотая монета 338 г. о.э. - 41 г. н.э. Митридата II из собрания ГИМ // ВДИ. - 1986. - 4. - С.54-59.

Щукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. - 1982. - XLVII. - С.35-37.

Щукин М.Б. На рубеже эр. - СПб., 1994.

Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. - СПб., 2005.

Яйленко В.П. Несколько греческих граффити и "сарматская" надпись с Березани // Античная балканистика. - М., 1987. - С.147-154.

Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I - середине IV вв. н.э. (локализация и политическая история) // Петербургский археологический вестник. - 1993. - 6. - С.83-88.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. - М., 2001.

Bäbler V. Dio Chrysostom's Construction of Olbia // Classical Olbia and the Scythian World. Proceedings of the British Academy. - Oxford, 2007. - 142. - P.145-60.

Bachmann W. Die Skythisch-Sarmatische Harfe aus Olbia. Vorbericht zur rekonstruktion eines unveroffentlichten in kriege verschollenen musikinstrumentes // Sons originels. Prehistoire de la musique. - Liege, 1994. - S.112-113.

Hupe J. Die olbische Achilleus-Vereherung in der römischen Kaiserzeit // Internationale Archäologie. - Rahden Westf., 2006. - 94. - S.202-208.

Krapivina V.V. Olbia and the Barbarians from the First to the Fourth Century AD // Classical Olbia and the Scythian World. Proceedings of the British Academy. - Oxford, 2007. - 142. - P.161-172.

Krapivina V.V. The Population of Olbia Pontica in the First Centuries AD. The Ethnic Problem // Antiquites istro-pontica: Melanges d'histoire ancienne offerts a Alexandru Suceveanu. - Cluj-Napoca, 2011. - P.59-69.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. - Petropolis, 1885-1916.

Waşowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. - Paris-Besancon, 1975.

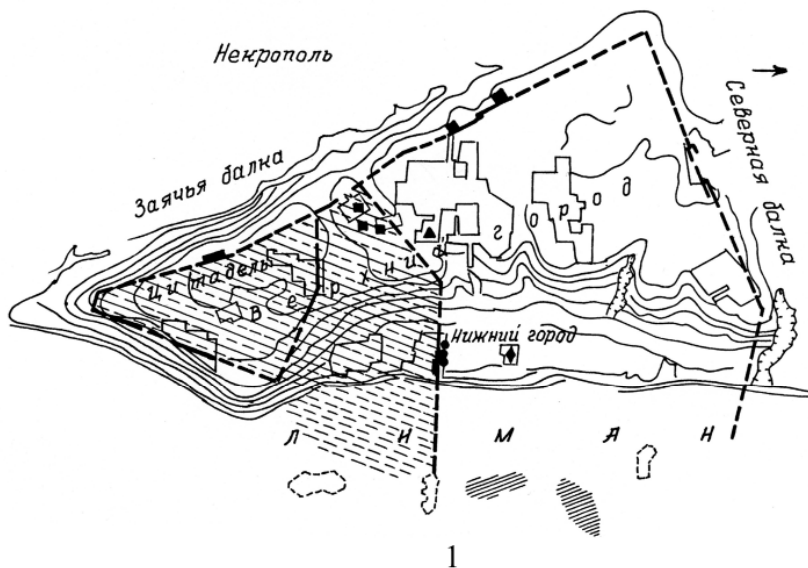


Рис.1. Ольвия: 1. План городища. Штриховкой отмечена застройка города первых вв. н.э. 2. Фрагмент краснолакового кувшина с граффити (рисунок Т.А.Зиновьевой). 3. Золотые монеты царя Фарзоя (рисунок М.В.Русяевой).



Рис.2. Ольвия: 1. Астрал с тамгой Фарзоя. 2. Астрал с насечками. 3. Фрагмент краснолакового кувшина с граффити. 4. Городские медные монеты I в. н.э.



1



2



3



4

Рис.3. Ольвия: 1. Следы пожара 230-х гг. н.э. 2. Черняховское погребение в Нижнем городе. 3. Стена жилого дома IV в. н.э., в которой использованы плиты из оборонительной стены. 4. Главная улица города в IV в. н.э.



1



2



3



4

Рис.4. Ольвия: 1. Площадь IV в. н.э. в Нижнем городе. 2. Водостоки на площади IV в. н.э. в Нижнем городе. 3. Здание общественного назначения конца III - IV в. н.э. 4. Остатки жилого дома IV в. н.э.